

УДК 128:291.217: 393

https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/42

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ДОДИНАСТИЧЕСКОМ
И РАННЕДИНАСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ**

©*Шеркова Т. А.*, ORCID:0000-0002-6203-1959, канд. ист. наук, Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, *sherkova@inbox.ru*

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN FUNERAL RITES FOR THE SOCIAL ELITE
IN PREDYNASTIC AND EARLY DYNASTIC EGYPT**

©*Sherkova T.*, ORCID:0000-0002-6203-1959, Ph.D., Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, *sherkova@inbox.ru*

Аннотация. Элитные некрополи являются важнейшими источниками для изучения процесса становления ранних государств. В Древнем Египте этот процесс происходил на протяжении длительного времени развития оседлой культуры Нагада, развивавшейся в IV тыс до н. э., с ранних ее фаз до завершающих, когда сложилась политическая унификация Египта. Сильный и богатый Иераконполь, расположенный на юге долины Нила, начал собирать египетские земли в единое государство. Благодаря выгодному географическому положению Иераконполь вел торговые контакты как по Нилу, так и с территориями к западу от него и с Ближним Востоком. Из этих территорий поступали предметы, предназначенные для аристократии вождеств на ранних ступенях развития культуры Нагада, и позднее, на переходной амратско-герзейской фазе (некрополь НК6) и Нагада II С (гробница 100), когда во главе Иераконполя стояли региональные цари. По существу, Иераконполь представлял собой модель политического и социокультурного устройства будущего монархического государства, каким стал Египет при фараонах. На фазе III центром силы, объединившей Египет, стал Абидос, где находился элитный некрополь Умм эль-Кааб, включавший погребения всех фаз культуры Нагада и царей Раннего царства (некрополь В). А на небольшом расстоянии от него находился Северный некрополь, где были сконцентрированы огражденные открытые пространства культового характера с часовнями, принадлежавшие царям, похороненным в некрополе В. Анализ погребальной архитектуры элитных погребений из Иераконполя и Абидоса, иконографии, мотивов и образов, изображенных на ритуальных предметах из гробниц позднединастического и раннединастического времени продолжают характерные и для более ранних фаз культуры Нагада сцен охоты и сражений. Однако изменяется их стилистика. На первый план выходят мотивы, связанные с царем как защитником общества, успешным воином, ответственным за стабильность и процветание Египта. Традиции и новации, будучи оппозициями, тем не менее, работают в целостном поле, некоем культурно-историческом единстве. И в плане социокультурного развития Египта элитные некрополи додинастического и раннединастического периодов предоставляют исключительно важную и объективную информацию о становлении первого государства в Египте.

Abstract. Elite necropolises are the most important sources for studying the process of the formation of early states. In Ancient Egypt, this process took place over a long period of

development of the sedentary culture Naqada, which developed in the 4th millennium BC, from its early phases to the final stages, when the political unification of Egypt took shape. Analysis of the burial architecture of elite burials from Hierakonpolis and Abydos, iconography, motifs and images depicted on ritual objects from tombs of the Late Dynastic and Early Dynastic times continue the scenes of hunting and battles characteristic of the earlier phases of the Naqada culture. However, their style is changing. The motives associated with the king as the protector of society, a successful warrior responsible for the stability and prosperity of Egypt come to the fore. Traditions and innovations, being oppositions, nevertheless work in an integral field, a kind of cultural and historical unity. And in terms of the socio-cultural development of Egypt, the elite necropolises of the Predynastic and Early dynastic periods provide extremely important and objective information about the formation of the first state in Egypt.

Ключевые слова: погребальные комплексы, погребальная архитектура, нишевидные стены, царское имя Хора, царская символика, иконография, мотивы, образы, сюжеты, архаическая иероглифика, изобразительные тексты, культурная идентичность.

Keywords: burial complexes, burial architecture, niche-shaped walls, royal name of Horus, royal symbolism, iconography, motives, images, plots, archaic hieroglyphics, pictorial texts, cultural identity.

Введение

Как справедливо отмечал М. Ю. Лотман, «культура в соответствии с присущим ей типом памяти отбирает во всей этой массе сообщений то, что с ее точки зрения, является «текстами», то есть подлежит включению в коллективную память» [1, с. 74].

Додинастический период в Египте приходится на IV тыс до н. э., когда происходили процессы, ведущие к созданию раннего государства. Додинастический этап подразделяется на несколько фаз, характеризующих ступени социокультурного и политического развития общества. В настоящей статье рассматриваются материалы, связанные с погребальным обрядом, в котором отражаются ступени развития культуры от периода ранних до поздних стадий развития культуры Нагада, распространившейся из Южного Египта до Дельты и Нижней Нубии, от локальных территорий, подвластных местным вождям, до собирания египетских земель в единое раннее государство во главе с царем.

Археологические исследования памятников додинастического времени начались в конце XIX столетия и вызвали дискуссию о принадлежности их ранним ступеням египетской культуры. Так сильно отличались обнаруженные главным образом в погребениях артефакты от уже хорошо известных по раскопкам фараоновского времени. Тем не менее, дискуссия о принадлежности материальных памятников к додинастическому времени завершилась признанием их как ранних этапов истории древнего Египта на пути сложения первого государства.

Вдоль западного и восточного берега Нила в Верхнем и Среднем Египте были найдены многие археологические памятники культуры Нагада, которая стала так именоваться по названию одного из первых исследованных местонахождений додинастической культуры. Хронологически ей предшествовали Тасийская и Бадарийская с производящим хозяйством и разными ремеслами. Но эти культуры постепенно угасли, поэтому додинастическим периодом принято считать время существования культуры Нагада. Что же касается неолитических культур Дельты Нила, то наиболее ранней была культура Меримда (5500–

4000 гг. до н. э.), частично одновременная Фаюмской археологической культуре (Б, А), а в долине Нила археологическому памятнику Омари (4000–4500 гг. до н. э.), позднее — Буто-Маадийскому культурному комплексу (3300–3150 гг. до н. э.). В Южном и Среднем Египте многочисленными археологическими памятниками представлена культура Нагада, которая подразделяется на ряд фаз: Нагада I (амратская, 3500–3300 гг. до н. э.), Нагада II ранняя герзейская (3500–3050 гг. до н. э.) и поздняя герзейская (3300–3150 гг. до н. э.) и Нагада III или протодинастическая (3200–3050 гг. до н. э.), за которой следует Раннее царство (3050–2613 гг. до н. э.) [2, с. 5]. Уже на ранней герзейской фазе культура Нагада продвинулась в Нижней Египет, и к протодинастическому времени ассимилировала местные культуры.

Наиболее крупной локальной территорией в Южном Египте был Иераконполь (древнеегипетский Нехен, совр. Телль эль-Ахмар), откуда начался процесс собирания египетских земель. Это был наиболее богатый регион Южного Египта, который еще долго оставался важнейшим религиозным центром Египта. С фазы Нагада III центром силы стал Абидос. Материальный облик культуры Нагада был практически идентичным на всех ее многочисленных памятниках. Тем не менее, следует выделить именно эти вождества в силу их мощи, богатства и значимости в процессе становления Раннего царства. Именно здесь возникали элитные некрополи, что является важнейшим фактором в процессе социально-политической и духовной истории Египта на пути создания раннего государства.

Иераконполь

Памятники культуры Нагада в Иераконполе сконцентрированы на западном берегу Нила между Большим вади (Абу Суффиян) и Дюновым вади, на расстоянии около 2,5 км вдоль края нижней пустыни, а самые удаленные археологические объекты находятся на расстоянии 3,5 км от современной земледельческой зоны. Ядром распространившихся в этом районе мест обитания являлось устье Большого вади, традиционно именуемое «додинастическим городом», к которому тяготели населенные пункты, основанные вдоль русла Большого вади. Эти территории были заселены достаточно густо, начиная с амратской фазы культуры Нагада.

Анализ объектов, расположенных в Иераконполе и датированных всеми фазами культуры Нагада, включая протодинастический период, обнаруживают свидетельства общественного развития на пути к сложению в Иераконполе прообраза института царской власти и централизованного социального организма. Уже во второй половине IV тыс до н. э. общество достигло такого уровня развития, при котором произошла глубокая социальная дифференциация с выделением социальной элиты, в имущественном отношении отличающейся от остальной массы населения. Об этом свидетельствуют и материалы из некрополей Иераконполя. Но процесс этот на каждом его этапе характеризовался особенностями. Так, в «додинастическом городе» раскопаны многочисленные некрополи, в которых хоронили как простых жителей Иераконполя, так и принадлежавших социальной элите. Могилы последних находились в определенном секторе кладбищ. Элитные гробницы, отличались от могил рядовых членов общества большими размерами, тщательностью сооружения могил и богатством погребального инвентаря. На амратской ступени развития общества представителей социально-имущественной элиты наделяли значительным количеством вещного материала, наиболее полно отражавшего погребальный ритуал. Богатство и разнообразие погребального инвентаря сочетались с большими размерами, однако, все еще преимущественно овальных могильных ям. Начиная с переходной амратско-герзейской фазы, элитные могилы приобрели прямоугольную форму и еще более

увеличились в размерах. Такие могилы обводили тростниковыми оградками, укрепленными столбами, на которые опиралась легкая кровля.

Уже с амратской фазы наметилась тенденция к усложнению погребальной архитектуры в целом. В могильных ямах устраивали ниши или сооружали выступы, где оставляли сопровождающий погребение инвентарь. К концу герзейского времени относится начало традиции совершать захоронения в керамических и деревянных гробах. Тогда же пространство больших могил стали разграничивать внутренними перегородками из сырцового кирпича и нишами с более низким уровнем пола, устроенными вдоль длинных стен, служивших погребальными камерами. Вместе с тем покойного оставляли и в центре могильной ямы [3, с. 146–170].

Однако элитные погребения уже на амратской и переходной амратско-герзейской фазе располагались в отдельных некрополях. В 2 км от русла Нила, в западной пустыне, был обнаружен элитный некрополь Нк6, основанный в период Нагада I и использовавшийся на фазе Нагада I-II и Нагада III (протодинастической). Часть самых ранних и больших погребальных комплексов была нарушена из-за их переиспользования в последующие фазы, что затрудняло датировку ранних артефактов, которые оказались в засыпке. Каждая из элитных могил была окружена оградкой их плетняка и включала несколько сооружений. В центре комплекса 16, находилась гробница (4,3×2,6 м), датирована временем Нагада IC–IIA (между 3700–3600 г. до н. э.) [4 р. 38–40, fig. 3.8], окруженная двумя кольцами погребений. Во внутреннем кольце были похоронены люди, а во внешнем — животные. Погребальный инвентарь, происходящий из захоронения 16, исключительно богат: более 100 сосудов, в том числе чаша с изображением головы богини-коровы Бат, халцедоновые и золотые бусы, выемчатые стрелы, а также две самые ранние погребальные маски из глины Р. Фридман детально изучила найденные В. Адамс маски, которые являются уникальными не только для других амратско-герзейских погребений Иераконполя, но и всех некрополей додинастического времени.

Маски были изготовлены из нильской глины с включением в тесто соломы. Веки глаз, брови, рот и уши формовались в виде утолщений, причем уши прикреплялись к маске, которая затем подвергалась обжигу и залащивалась. Брови, веки глаз и рот сохранили следы красной краски. Подбородок значительно удлинен, что придает маскам треугольную форму. Размеры маски А — 23,4 см высотой и 21,5 см шириной, что соответствует размерам человеческого лица. Прорези для раскосых глаз, ноздрей и рта находятся на естественном уровне, но уши прикреплены значительно выше нормального их расположения на человеческой голове. На лобной части проделаны отверстия. Чтобы маска удерживалась на лице, в ушах проделаны отверстия, сквозь которые пронизывалась веревочка, концы которой связывались на затылке [5, р. 49–51, fig. 1–2]. Отсутствие индивидуальных черт на масках (при иконографическом их сходстве) указывает на то, что они воплощали не конкретного индивида, а некий обобщенный образ. Очевидно, речь должна идти об обожествленных первопредках аристократического рода Нехена, к которым присоединялись новопреставленные сородичи. Так актуализировался культ предков, который существовал на протяжении всей истории древнего Египта. Похожий образ представлен на многочисленных предметах мелкой пластики: гребнях, обработанных клыках слонов, наконец, в виде статуэток и амулетов. [6, с. 49–63].

Гробница 100, датированная Нагадой IC [7, pl. XXIV, fig. 3], ограбленная в древности, также принадлежала представителю социальной элиты, вождю или региональному царю Иераконполя. Ее размеры 5,82×2,85 м превосходили упомянутые гробницы амратско-

герзейского периода. Она находилась в черте земледельческой зоны на южной окраине «додинастического города». Это единственная додинастическая гробница, в которой находилось полихромное панно (Рисунок 1). Композицию структурируют пlyingшие в два ряда лодки с высоким носом. В верхнем ряду на одной из лодок в носе изображен бегущий персонаж, который символизирует основной момент царского праздника *sd*, посвященного легитимации правления царя, ритуал, который существовал на протяжении всей древней истории Египта. В нижнем ряду в черной лодке перевозят тело умершего царя. Вокруг череды лодок, на водном пространстве представлены изобразительные мотивы, характерные для фазы Нагада II: сражения на палках пар персонажей, охоты, танцующих девушек. Изображена т.н. сцена «хозяин животных»: по сторонам от мужского персонажа на задних лапах стоят львы. Вся сцена представляет погребальный ритуал, связанный с отходом в мир предков иераконпольского царя [8, с. 82–105].

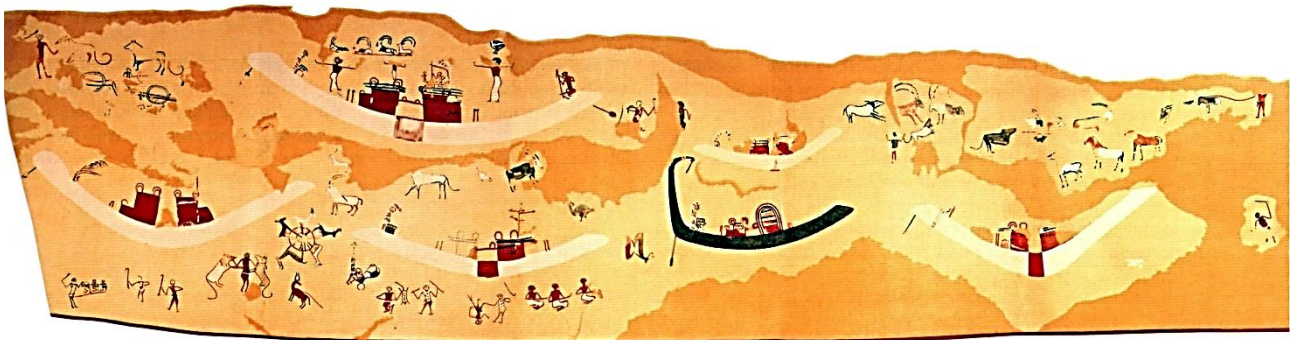

Рисунок 1. Панно из гробницы 100 в Иераконполе

Центральным монументальным сооружением «додинастического города» являлся культово-ритуальный центр (НК29А), посвященный богу Хору в облике сокола. Его первооткрыватели Дж. Квибелл и Ф. В. Грин в 1897 г., исследуя культурный слой раннединастического времени [7, р. LXXII], отмечали многослойность этого археологического объекта. Ядром святилища была овальная в плане платформа высотой 2,5 см, сложенная из каменных блоков. Ее окружал двор с руинами построек. Именно оттуда происходит основное скопление ритуальных предметов раннединастического времени, в числе которых церемониальная палетка Нармера, Малая иераконпольская палетка, ритуальные булавы Скорпиона и Нармера с рельефными изображениями, церемониальные орудия с резными изображениями, многочисленные статуэтки людей и животных из слоновой кости и египетского фаянса, каменные сосуды. Как отмечали Дж. Квибелл и Ф. В. Грин, эти высококлассные произведения раннединастического искусства были спрятаны между сохранившимися стенами более поздних сооружений святилища. Столетием позже на памятнике начала полевые работы американская экспедиция под руководством М. А. Хоффмана, который подтвердил выводы предшественников. Предметы находились между стенами постройки эпохи Древнего или Среднего царства [9, р. 129]. Р. Фридман полагает [10, р. 23-24, fig. 12], что на церемониальной булаве Нармера запечатлена ритуальная сцена царского праздника *sd*, происходившая в культово-ритуальном центре Иераконполя, в овальном дворе с высоким штандартом, увенчанном фигурой бога Хорсокола, с платформой и маленьким павильоном, откуда Нармер взирал на происходящее (Рисунок 2).

Считалось, что это святилище начало функционировать на фазе Нагада IВ, но расцвет его пришелся на время Нагада IIС [10, р. 23–24], хотя использовался и при I династии. Однако более поздние раскопки показали, что святилище имело гораздо большие размеры и включало объекты, относящиеся ко времени Нагада I-IIА. В том числе, была обнаружена большая постройка с деревянными колоннами (20×8 м), на месте которой (в связи с пожаром) была возведена новая, датированная Нагадой IID [11, р. 84, fig. 3].

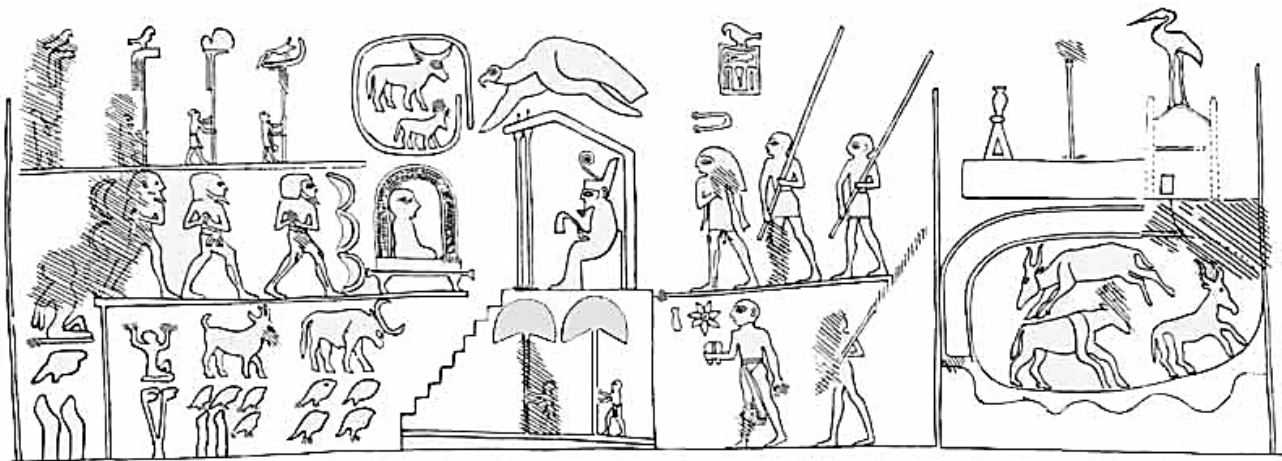

Рисунок 2. Фрагмент церемониальной булавы царя Нармера

Таким образом, святилище в Иераконполе просуществовало с амратско-герзейского периода, как и элитный некрополь НК6 до Нагада III (протодинастики) и даже в Раннее царство. В этом центре проходили важные культово-ритуальные церемонии, посвященные правителю — вождю и региональному царю. Однако хоронили их изолированно, в элитных некрополях, начиная уже с амратско-герзейского времени. Там же находились заупокойные святилища, где совершались погребальные обряды.

За период от амратско-герзейской фазы до Нагада IIС в погребальном обряде элитных погребений Иераконполя произошли изменения. Так, более не совершались погребения животных, сопровождавшие элитные гробницы в некрополе НК6. Также и терракотовые маски были найдены только в гробнице 16. Хотя обычай оборачивать лица умерших тканью встречались на общих некрополях «додинастического города». «Царское» погребение 100 с панно, датированное Нагадой IIС, расположено вдали от элитного некрополя НК6. При первых раскопках были найдены еще 5 гробниц, но при повторных раскопках они не были найдены.

После периода Нагада IIС в Иераконполе не обнаружено элитных погребений, датированных последующими фазами культуры Нагада. Тем не менее, значение Иераконполя как важнейшего религиозного центра сохранялось на протяжении всей истории Египта. Его культовый центр был местом проведения ритуалов при ранних династиях. Но политическим центром стал Абидос, расположенный в 150 км к северу от Иераконполя.

Абидос

Это факт подтверждают находки элитных погребений, начиная с фазы Нагада D, найденные в абидосском некрополе Умм эль-Кааб, ставшим самым крупным некрополем в этой локальной территории [12, fig. 14.1] (Рисунок 3). После раскопок Ф. Питри в Абидосе на этом памятнике с 1977 г. начались новые полевые исследования, которые проводились Германским археологическим институтом под руководством Г. Дрейера, принесшие важные

открытия. Этот некрополь U насчитывает около семисот погребений от фазы Нагада I до Нагады III (около 3700–3050 гг. до н. э.).

Он развивался с севера на юг. Причем в его структуре прослежена картина отдельных групп погребений: самая большая могила социального лидера была окружена небольшими погребениями уже с самых ранних фаз: Нагады I – начала Нагады II.

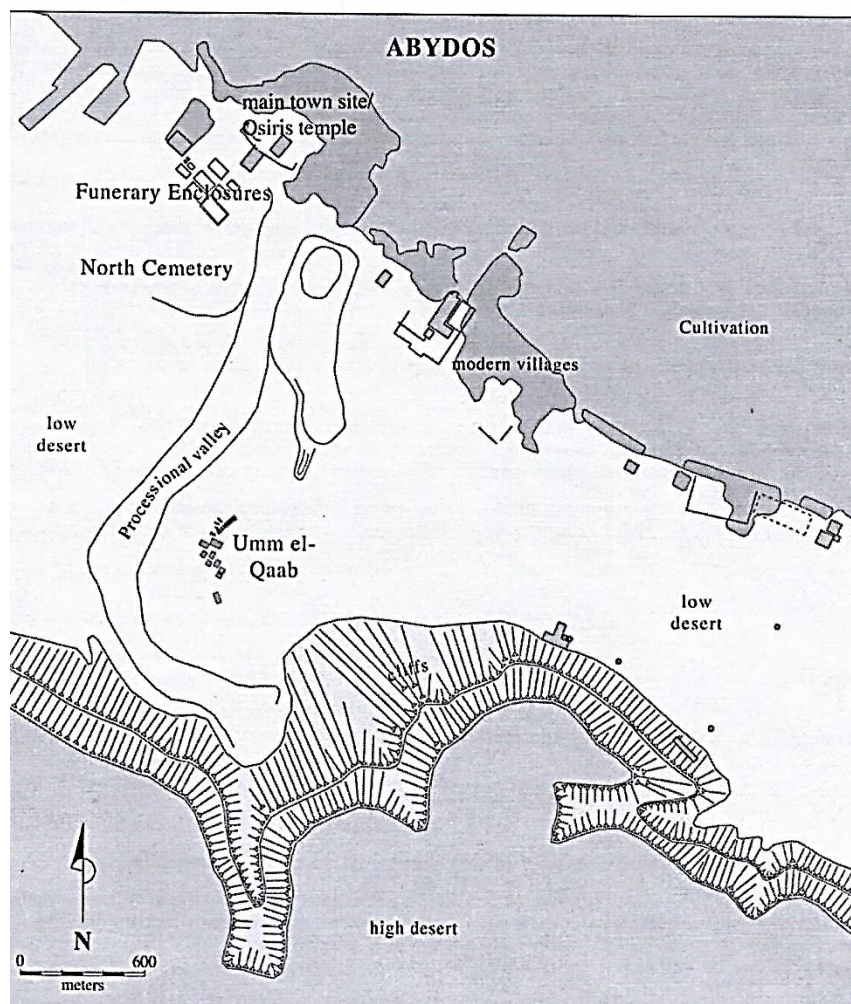

Рисунок 3. Карта Абидоса

В некрополе U в элитных могилах находились социально престижные предметы, как и в иераконпольском элитном некрополе НК6. Впрочем, следует отметить, что в Иераконполе эти ранние гробницы были разрушены при переиспользовании их на фазе Нагада III, чего не было в Абидосском некрополе U. Сходство состоит в том, что, если погребения ранних фаз представляли могилы круглой или овальной формы, то с фазы Нагада II C/D и в Иераконполе, и в Умм эль-Каабе элитные погребения были прямоугольными и значительно увеличивались в размерах. С протодинастического времени (Нагада IIIA/B) погребальная архитектура становится более сложной. Стены прямоугольных гробниц выкладывали сырцовым кирпичом, кровлей служили ряды деревянных балок [13, р. 316–323]. Их размеры превосходили более ранние гробницы, поскольку в погребениях были устроены не только погребальные камеры, но и предназначенные для хранения погребального инвентаря. Они содержали большое количество египетских сосудов с волнистыми ручками и привозные из Леванта. На некоторых сосудах чернилами нанесены краткие иероглифические надписи.

Среди наиболее богатых погребальным инвентарем выделяется гробница U-j размерами 9,10×7,30 м. По типам керамики она датирована фазой Нагада IIIA2 (3200–3150 гг. до н. э.), т. е. она была сооружена за 150 лет до первой династии [12, р. 128]. «Архитектура и находки создают новые основания раннединастического периода и указывают на переход от „предыстории“ и истории длиной почти в 200 лет» [12, р. 128]. Иными словами, речь идет о протодинастической элитной гробнице, одной из тех, что занимают южную часть некрополя, непосредственно примыкающей к гробницам царей 0 династии, — Ири-Хора, Ка и, как считают многие египтологи, Нармера, хотя существует альтернативный взгляд на то, что Нармер относился к 1 династии.

Гробница U-j расположена в южной части некрополя, между другими многокамерными гробницами. Стены ее в толщину сложены в два ряда сырцового кирпича, а интерьер разделен на 12 камер (Рисунок 4).

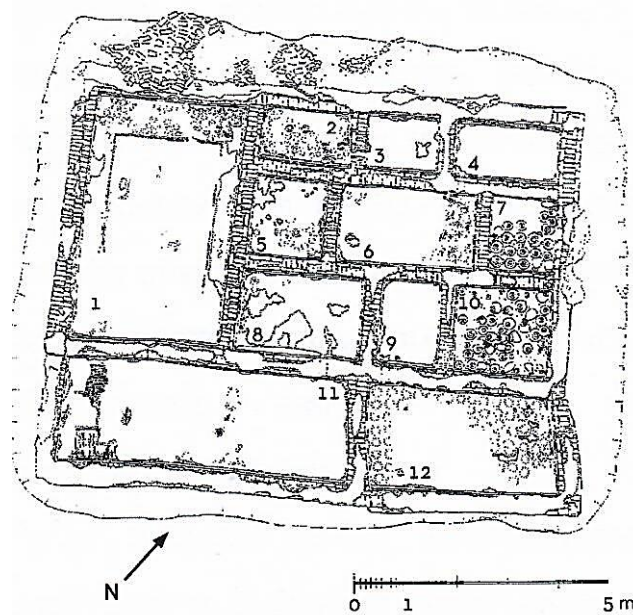

Рисунок 4. Гробница U-j в Умм эль-Каабе, Абидос

Как и многие другие, даже более ранние могилы из разных местонахождений, эта могила имела крышу. Но только протодинастические могилы в Умм эль-Каабе она была покрыта не ветками, а стволами акации, покрытыми циновками. Небольшие камеры были предназначены для погребального инвентаря. Гробница U-j содержала большое количество предметов, отличаясь богатством и вещами, указывающими на высокий социальный статус. В камерах находилось более сотни небольших глиняных блюд и других сосудов. Большая камера (1) была предназначена для погребения. В ней находилось небольшое деревянное святилище (2,10×3,15 м), в котором найдены ювелирные изделия, косметические принадлежности, оружие и скипетр *hka* (в виде крюка), — царский символ при фараонах (Рисунок 5).

Фрагмент такого жезла был найден и в гробнице 547 некрополя U, однако датированной значительно раньше — Нагадой IID [14, р. 265], что указывает на еще более раннее время существования (сложения) института царской власти, по крайней мере, в Абидосе. Но, учитывая находку расписной гробницы 100 в Иераконполе, датированной Нагадой IC, в которой был похоронен региональный царь, а также элитный некрополь НК6 в Иераконполе,

относящийся к переходной фазе Нагада IA-IIВ, следует полагать, что процесс становления института царской власти над объединенным Египтом занял длительное время. А протодинастическое погребение U-j по времени было очень близко к 0 династии, когда уже происходил процесс завоевания Северного Египта, чему посвящена знаменитая церемониальная палетка царя Нармера (Рисунок 6), непосредственного предшественника первого царя I династии Аха.

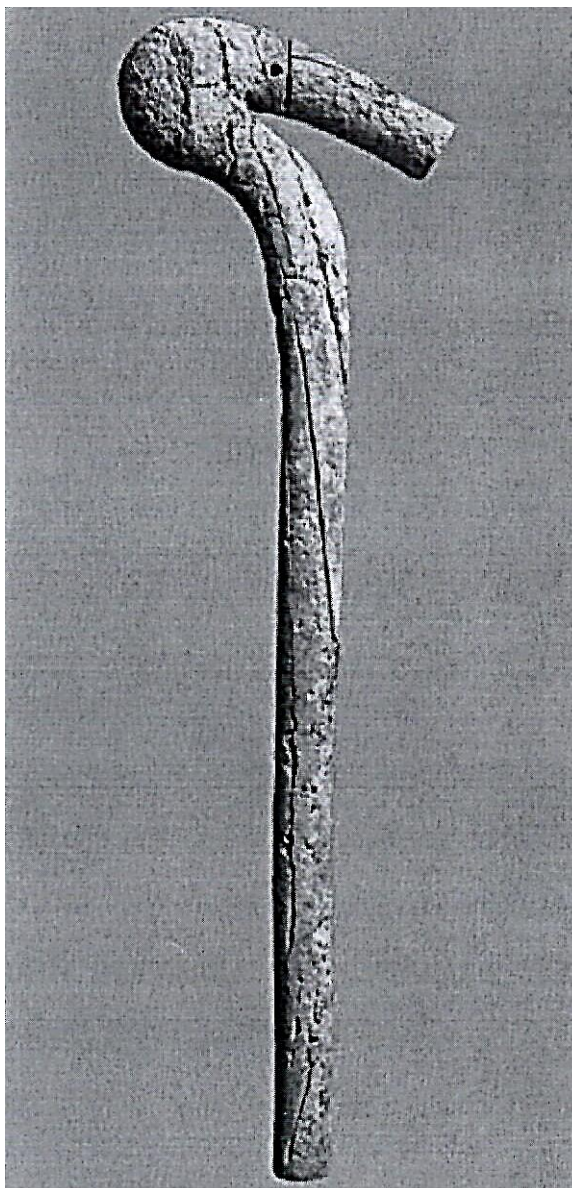

Рисунок 5. Атрибут власти «крюк» из гробницы U-j

Несмотря на то, что гробница U-j была ограблена в древности, в ее камерах сохранилось множество приношений, главным образом, керамики, исчисляющейся более 2000 экземпляров, египетской и привозной из Леванта для масла и вина. На привозных сосудах сохранились отпечатки глиняных цилиндрических печатей. Камера 11 служила сокровищницей, в которой хранились ценные предметы в ящиках из кедра. В них найдены фрагменты каменных сосудов из розового кварца и доломита, большое обсидиановое блюдо, дно которого покрыто рельефным изображением человеческих рук, два золотых гвоздя, ярлыки из слоновой кости с изображением «счетных палочек» и отверстием для

подвешивания, а также ярлыки с воплощениями шакала, длинноногих птиц, игральных принадлежностей из слоновой кости. Чернильные изображения нанесены на сосуды с волнистыми ручками. Они воплощают дерево и скорпиона, что послужило идеей о том, что в этом погребении был похоронен царь Скорпион 1, но не тот, чья церемониальная булава была найдена в главном депозите святилища Иераконполя вместе с церемониальной булавой Нармера, его большой палеткой и многими высокохудожественными изделиями из слоновой кости и египетского фаянса. Надписи чернилами и изображения на ярлыках указывают на названия местностей, откуда привезена та или иная вещь, как и скорпион означает имя царя (в контексте имен других царей, воплощенных в образе животных) [12, p. 135, fig. 10.10–14.18].

Рисунок 6. Церемониальная палетка Нармера

В контексте религиозных представлений гробница являлась домом умершего в загробье, и эти представления имеют в Египте глубочайшие корни. Большие элитные гробницы с богатыми приношениями, указывают на их высокий социальный статус. В данном случае он символизирован жезлом *hka*, указывающий на то, что в гробнице U-j был похоронен царь, гробница которого уподоблялась дворцу (Рисунок 7). Вместе с тем, как уже говорилось, фрагмент скипетра *hka* был найден и гробнице некрополя U, датированной более ранним временем — Нагадой II, что указывает на длительность становления института монархии. Этот протодинастический период считается начальным этапом сложения унифицированного государства, цари которого сформировали 00 династию.

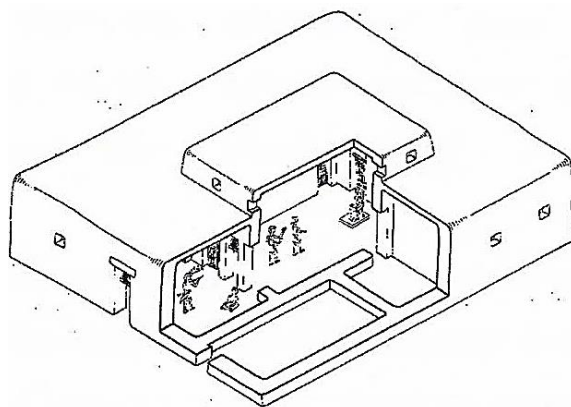

Рисунок 7. Реконструкция гробницы U-j в Умм эль-Каабе

Непосредственно к югу от элитных протодинастических гробниц некрополя U расположен некрополь B с гробницами царей I династии, а также погребения царей 0 династии (впервые этот термин ввел Дж. Квибелл). Это царь Ири-Хор, Ка и Нармер, вслед за которым правил царь I династии Аха. Их гробницы расположены близ погребения этого царя (Рисунок 8).

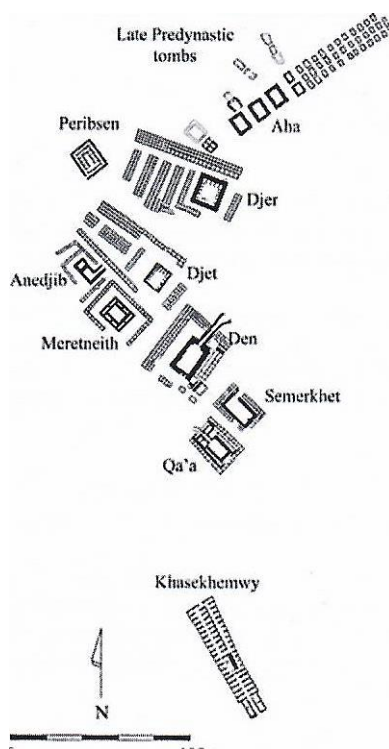

Рисунок 8. Царский некрополь B в Абидосе

Наиболее ранняя из них принадлежала царю 0 династии Ири-Хору, царское имя Хора, выписанное в знаке *srH* в виде фасада с паннелированными стенами, увенчанного фигурой сокола — бога Иераконполя. За гробницей царя Ка следует могила царя Нармера, о принадлежности которого к 0 или I династии ведутся дискуссии [14, р. 265]. Все три гробницы состоят из двух подземных камер, сооруженных из сырцового кирпича. Принадлежность той или иной гробницы царям определена по печатям и сосудам с иероглифическими надписями, сделанными чернилами.

Некрополь В имеет достаточно четкую структуру. Гробницы первых династий демонстрируют новый архитектурный стиль и поступательное развитие приемов строительства. Это сказалось на увеличении их размеров, расположении камер для погребального инвентаря и создании новых конструкций. Но и сами царские гробницы имеют между собой различия, указывающие на дальнейшее развитие погребальной архитектуры, продолжавшееся в эпоху Древнего царства.

Гробница царя Аха является частью целого комплекса. Она превосходит размерами гробницы царей 0 династии, но сохраняет с ними сходство в том, что также состоит из двух подземных камер. К востоку от нее расположено множество сопровождающих могил, что становится новшеством и нормой для гробниц последующих царей I династии. Однако, следует вспомнить, что в погребальных комплексах элитного некрополя НК6 в Иераконполе, гробницы значительно более раннего времени, датированные Нагадой I — началом фазы Нагада II, сопровождались сопутствующими могилами. Впрочем, они не были выстроены в ряд, как в погребальном комплексе царя Аха, а окружали элитную гробницу внутреннем кругом. Во внешнем, как говорилось, были похоронены животные, чего (на небольшим исключением) уже не было в погребальном обряде протодинастического и раннединастического времени. К западу от подземных камер царя Аха, находились еще две пары камер.

Гробницы последующих царей I и II династий отклонялись к западу, находясь на некотором удалении от погребального комплекса царя Аха. По-прежнему камеры сооружались из сырцового кирпича, однако интерьер их изменился. Внутреннее пространство покрывалось деревянными планками. А дополнительные камеры служили для хранения погребального инвентаря. Сопровождающие могилы, причастные к гробнице царя Джера, Джета и последующих царей I династии, располагались почти по всем сторонам от них. Судя по вещному материалу, в них были погребены не слуги, а представители более высокого социального ранга. В могилах находилась не только керамика, но каменные сосуды, медные орудия, резная слоновая кость, а также стелы с именами умерших [15, p. 79–80]. Несмотря на то, что царские гробницы были ограблены, тем не менее, в них сохранились артефакты: высокого класса украшения, а также предметы, аналогичные тем, что находились в сопровождающих могилах. В гробнице царя Джера найдена часть руки (еще при раскопках Ф. Питри [16, pl. 1]) с браслетами. На одном из них были бусины из бирюзы, лаписа, аметиста и золота. На другом браслете бусины из золота и лаписа имели форму символа царской власти — *srH* с фигуркой бога Хора-сокола [17, p. 137–139].

Гробницы поздних царей I династии: Дена, Анджиба, Семерхета и Каа также сооружались в виде подземных камер из сырцового кирпича. Но как попадали в них и были ли наземные сооружения? Возможно, существовали крыши для подземных камер. По крайней мере, Ф. Питри отмечал наличие пяти ям по углам и в центре, предположительно для столбов, поддерживавших кровлю [16, p. 7], но следов от них не осталось, как ничего не сохранилось от наземных сооружений. Высказывалось предположение, что кровли и наземные сооружения устанавливались после совершения погребения. И даже сделана реконструкция наземного сооружения гробницы царицы Мернейт [15, p. 82, fig. 61], представляющего собой мастабу (скамейку), которые возводились в Древнее Царство для социальной элиты. При ее сыне царе Дене стали применять технологическое новшество, распространившееся на гробницы последующих царей. Вход в главную камеру осуществлялся по лестнице, ведущей с наземной части в небольшое помещение, примыкающее к погребальной камере, которое интерпретируется как сердаб, в который

ставилась статуя царя [17 р. 142]. Однако сердаб находился на поверхности, к западу от пирамиды III династии Джосера в Древнее царство.

В ходе раскопок были найдены стелы с именами царей Дена, Семерхета, Ка-а, а также выписана титулатура похороненных в сопровождающих царские гробницы погребениях.

От времени II династии в Абидосе сохранились гробницы двух последних царей — Перибсена и Хасехемуи. Гробницы других царей II династии находятся в Саккаре, близ Мемфиса. Если гробница Перибсена с небольшой погребальной камерой, отделенной от маленьких камер для погребального инвентаря, коридором, обнаруживая подобие гробниц царей I династии, то гробница царя Хасехемуи даже и в настоящее время представляет собой гигантское сооружение со стенами высотой 10 м и толщиной 5 м. В отличие от всех гробниц некрополя В, стены ее выложены из камней, с внутренней стороны вокруг погребальной камеры расположены помещения для приношений. С обеих сторон они окружены узкими коридорами. Богатство, разнообразие и высокий художественный уровень предметов, извлеченных из царских гробниц исключительно велики. Помимо многочисленной керамики разных типов, в них находились каменные сосуды, медные орудия, оружие, таблички из дерева и слоновой кости с изображениями, на которых царь побеждает врагов (Рисунок 9), печати и их оттиски на винных сосудах, тексты которых локализуют места производства вин [15, р. 85–90].

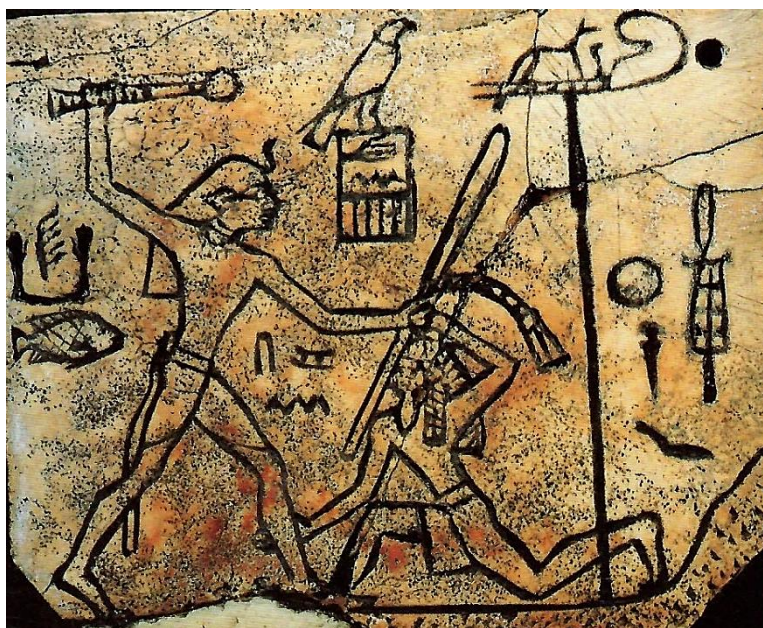

Рисунок 9. Ярлык царя Дена из слоновой кости

Важнейшим новшеством в погребальном обряде при I династии были обводные стены в Северном некрополе, в 1 км к северу от царского некрополя В [18, fig. 3] (Рисунок 10).

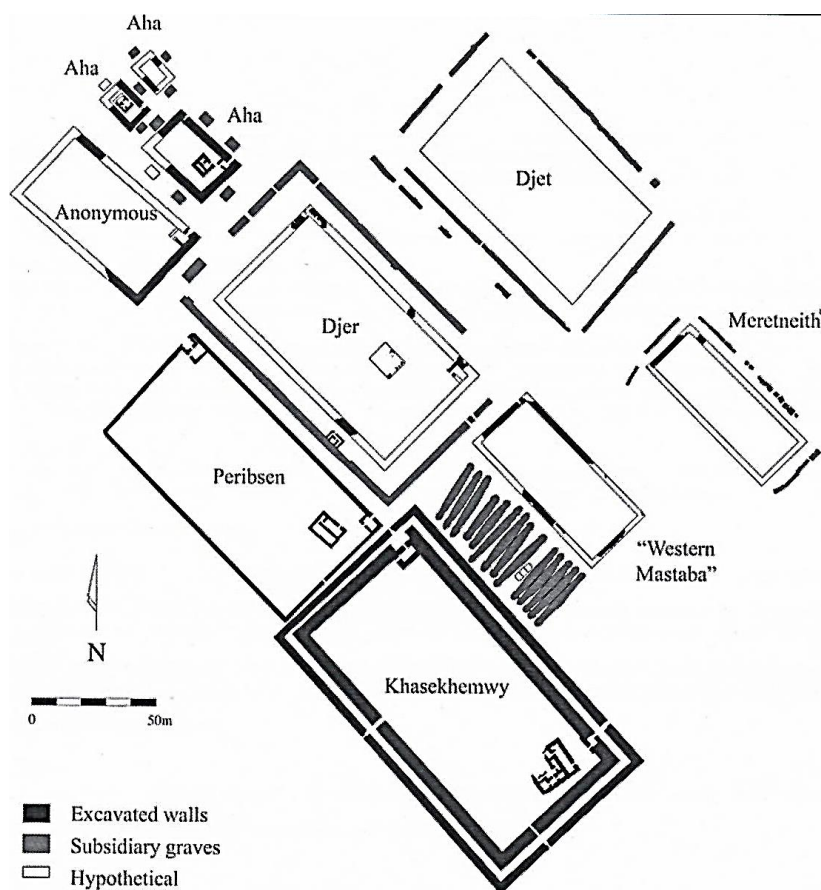

Рисунок 10. Северный некрополь в Абидосе

В плане этот комплекс имеет четкую структуру. Эти сооружения принадлежали тем же царям начала I династии и двум последним царям II династии, гробницы которых расположены в некрополе В, и еще две анонимные.

Однако здесь нет ограды царя Дена, гробница которого находится в некрополе В. После раскопок Ф. Питри в начале XX в., на этом участке в 80-е годы проводились повторные исследования, которые выявили весь комплекс. Это большие открытые пространства, заключенные прямоугольными стенами из сырцового кирпича со следами глиняной обмазки. Эти сооружения получили название «похоронные обводные стены» (funerary enclosures).

Внешние нишевидные стены, какие изображены на знаке *srH* с именем царя, имели по два входа. Основания внешних стен завершалось конструкциями в виде выступов-скамеек. Внутри оград, чаще всего у восточного входа, находилось небольшое сооружение — часовня, предназначенная для жертвоприношений [18, p. 46, fig. 3]. Возле стен оградок I династии находились отдельные сопровождающие могилы с погребениями людей.

Не вызывает сомнений, что этот культовый комплекс связан с царским некрополем В и причастен к погребальному обряду. Но какие конкретные функции эти структуры выполняли? Как и в некрополе В, три оградки, самые маленькие из их числа, принадлежали времени царя Аха, из которых самая большая имела размеры 33×22 м. Две другие могли принадлежать другим умершим [18, p. 51]. Вокруг оградок находилось несколько сопровождающих погребений. Внутри этих (как и двух других) объектов находилась культовая часовня, разделенная на три камеры, соединенные проходами. Кирпичные стены были покрыты белой штукатуркой. В ней находились браслеты из слоновой кости, разбитая

жертвенная керамика и следы коричневого органического материала. Ограда идентифицирована по нескольким предметам: иероглифическим надписям чернилами на цилиндрических сосудах и оттисках печатей на сосуде для вина с именем царя Аха в знаке *srH*. Погребальный инвентарь включал в себя также каменные сосуды, галену для окрашивания век глаз, керамическую палетку, украшения, в том числе браслеты из слоновой кости и амулеты из лапис лазурита [18, p. 48–49, fig. 4]. Стены сопутствующих могил выложены из рядов сырцового кирпича, а крыши сконструированы из деревянных бревен, покрытых циновками. Две могилы принадлежали женщинам, похороненным в деревянных саркофагах. Среди погребального инвентаря находились сосуды с выписанным чернилами имени царя Аха, а также фрагменты его печатей [18, p. 50].

Ограда царя Джета, как и последующих царей, значительно больше по размеру (96,2×53,8 м), чем ограда царя Аха. Культовая часовня также имела большие размеры: 11,5×9,3 м) Она окружена со всех сторон сопутствующими погребениями числом 269. В этих могилах найдены надписи с именем царя Джера, начертанные на ярлыках из слоновой кости. Медные орудия, игровые фигурки из слоговой кости, цилиндрические печати, каменные стелы с именами и титулами похороненных в деревянных гробах [18, p. 51–52, fig. 5].

Ограда царя Джета отсутствует, но ее очертания и размеры определяются сопутствующими погребениями, образующими прямоугольник.

В этих погребениях хранились приношения, подобные найденным в могиле царя Джера, в том числе, иероглифические надписи с именами умерших. Имя царя Джета в знаке *srH* выписано на медном топоре, гребешке из слоновой кости [18, p. 51–53, fig. 6].

Специальный интерес представляет собой так называемая Западная мастаба анонимного царя. Вокруг нее нет сопутствующих погребений людей. Между этим памятником и оградной царя II династии Хасехемуи находились параллельные погребения с 14 деревянными лодками длиной по 25 м. Предположительно эта, плохо сохранившаяся ограда, датируется временем I династии [18, p. 55–56, fig. 8].

У оградок II династии нет скамеек на внешней части и у них более двух входов, нет и сопровождающих погребений. Размеры ограды царя Перибсена велики — 108×55 м при небольшой толщине стен — 1,5 м. Часовня (12,3×9,5 м.) находится близ восточного угла и разделена на три камеры. Перед ней находилось скопление приношений: керамика и оттиски печатей с именем царя Перибсена [18, p. 56–57, fig. 9]. Монументальная постройка царя Хасехемуи — самая большая из всех культовых оградок в Северном некрополе Абидоса. Она находится в стороне от остальных, в Шунет эль — Зебиб. Высота ее стен достигает 11 м при их толщине в 5,5 м. Площадь постройки 137×78 м. В нее ведут три входа. Часовня находилась у юго-восточного угла. В ней найдена керамика и несколько оттисков печатей царя Хасехемуи [18, p. 57, fig. 10].

Л. В. Бесток справедливо полагает, что обводные стены (или ограды) в Абидосе являются важнейшим источником информации о ранней монархии и развитии царского погребального культа. И хотя эти объекты принадлежат только Раннему царству, они являются прообразами царских заупокойных храмов. Наиболее очевидным фактом в пользу этого вывода является погребальный комплекс царя III династии Джосера со ступенчатой пирамидой [18, p. 58], большим открытым двором, где проходил царский праздник *sd*, посвященный легитимации прав на трон правящего. Казалось бы, мы сталкиваемся с противоречием: как в погребальном комплексе могла происходить важнейшая прижизненная церемония? Аналогичное сочетание представлений о жизни и смерти иллюстрирует панно из гробницы 100 в Иераконполе, датированной более ранним временем, чем абидосские ограды

— Нагадой ПС. Контекст изобразительного текста иной. На панно изображена сцена плавания лодок (Рисунок 1). На одной из них в наосе изображен бегущий персонаж, что являлось ключевым моментом во время царского праздника *sd*, а на другой лодке лежит покойный царь, приобщавшийся к сонму предков. Оба события, изображенные на панно, являются важнейшими в космологических представлениях, отраженных в погребальном обряде царя, причастного богам [8, с. 94–95]. И один, и другой церемониал принадлежали к переходным обрядам. Во время праздника *sd* правящий вождь, а позднее царь проходил стадию символической смерти, но возрождался, совершив ритуальный бег, и, таким образом, возвращал права на власть над Египтом. Смерть царя означала переход его в мир иной. Тот факт, что царь Джосер подтверждал свои права на египетский трон в своем погребальном комплексе, причастен к представлениям о вечности. А сам памятник свидетельствует об исторической памяти, которая являлась базовым принципом древнеегипетской культуры.

Таким образом, культурная память соединяет прошлое, настоящее и будущее в единую целостность. А в земном исполнении она отражена в культурной преемственности, в частности, в погребальной архитектуре, сохранении ранних традиций и внедрении новаций в ходе развития религиозно-мифологических представлений. Возможно, культовые оградки были местом проведения праздника *sd* на открытом пространстве сакрального объекта. Ведь сам этот праздник имел глубокие исторические корни и проводился в вождествах, задолго до становления государства [19, с. 77].

Одной их ключевых архетипических мифологических представлений древности является идея о центре мироздания, символизированном различными природными и рукотворными объектами: горой, деревом, лестницей, пирамидой, храмом, а также гробницей, т. е. символическим образом, священным местом творения мира. В ритуальной практике в этих местах повторялись события первотворения [20, с. 105–114; 21, с. 476–497]. Один из самых ранних образов центра мира был солнечный холм, поднимающийся из космических вод. В Текстах пирамид приветствуется солнечный бог, который поднялся в имени его холм (Pur, §1587). Ему уподоблялись все священные объекты, в том числе и гробницы царей. Роль царя в обществе, — писал В. Н. Топоров, — определялась его космологическими функциями, сходными с функцией других сакральных представителей "центра мира" ... отсюда вера в божественность царя, в то, что он носитель идеи порядка, закона, справедливости, подобно солнцу, с которым связываются те же представления в сфере природных явлений» [21, с. 484]. В древнем Египте, начиная со II династии, существовал культ солнечного бога Ра. А в Иераконполе с фазы Нагады I почитался солнечный бог Хор в образе сокола, земным воплощением которого считался царь. Движение солнца по небесной сфере с востока на запад отразилось в погребальном обряде. Постаревшее солнце=царь уходит за западный горизонт и проваливается в яму, оказываясь в загробном мире. Но на утро умерший царь сопровождает солярное божество в его лодке, продвигаясь вновь на запад до следующего восхода в циклическом измерении времени. В сфере ритуала эти представления отразились в регулярных обрядах, которые проходили в святилищах и заупокойных храмах, предшественниками которых при первых династиях могли быть культовые оградки в Северном некрополе Абидоса.

Как места священные, обводными стенами были обнесены элитные погребальные комплексы и каждая постройка в них, разумеется, включая гробницы в элитном некрополе НК6 в Иераконполе уже в начале IV тыс. до н. э. Вокруг культово-церемониального центра в Иераконполе была выстроена стена, как и каждая из более ранних построек.

Ответ на вопрос, почему именно в Абидосе сконцентрировались царские гробницы протодинастического и раннединастического времени, связан с существованием храма бога Хентиментиу, причастного к погребальному обряду. Ф. Питри проводил раскопки на месте города, который локализовался позади храмов Сети I и Рамсеса II, к северу от них, занимая значительную площадь от культивированной зоны до нижней пустыни. Среди руин храмов фараоновского времени был обнаружен древнейший храм А, относящийся к I династии. Однако под ним находились остатки еще более раннего храма, однако из-за высоких нильских разливов от этой постройки почти ничего не сохранилось [22, р. 7–8, pl. L]. Среди находок было несколько печатей с изображением бога Хентиментиу в облике шакала (Рисунок 11). Построенный в Древнее царство храм, посвященный местному богу Хентиментиу, расположенный близ позднединастического храма А, служит подтверждением ранней традиции его культа, — на начальных фазах культуры Нагада.

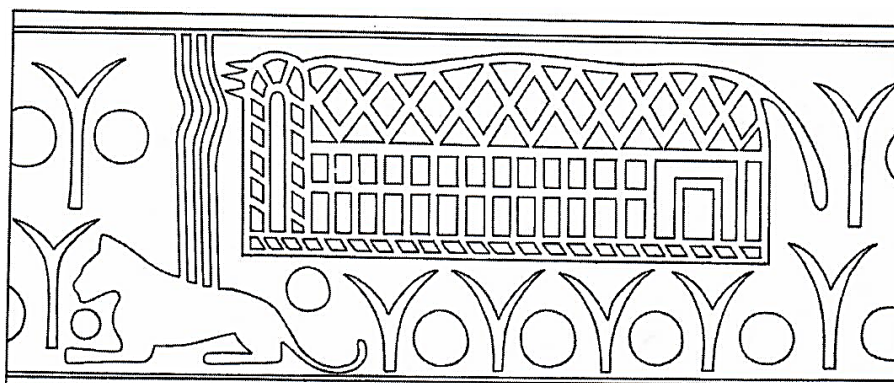

Рисунок 11. Печать из Абидоса

По мнению Р. Антеса, уже в раннее время шакал был связан с царствованием Хора, хотя об этом нет упоминаний в мифах [23, с. 69]. В самом деле, на церемониальных палетках, где представлены шествия со штандартами, вслед за соколом несут изображение шакала. Этот образ бога в имени его Хентиментиу (буквально: «(тот, кто) во главе западных») почитался в Абидосе, где в раннединастический период существовал храм, посвященный ему и слившемуся с ним собакоголовому Анубису. В Асьюте существовал культ бога Упуаута (букв. «открыватель путей»), величавшийся «верхнеегипетским шакалом», как и абидосский Анубис. В Текстах Пирамид Хор назван именем бога Хентиментиу «(тот, кто) во главе западных» (Pyr. Ut. 412, § 727; Ut. 483, § 1015). В историческом аспекте это свидетельствует о ходе собирания египетских земель вождями/царями Нехена в прото/раннединастическое время, к которым присоединился и Абидос [3, с. 223–225]. В аспекте мифологического сознания перенос на вождя/царя характерных признаков образов шакала через значения их имен и функции спутника, проводника, медиатора между освоенными и неведомыми пространствами, заложило основы для мифо-религиозных представлений и ритуалов письменного периода. В Мемфисском трактате Хор наделен эпитетами «шакал Верхнего Египта», Хентиментиу-Анубиса и «открыватель путей» — Упуаута [24, р. 56]. Все три божества, имеющие обличье шакала, связаны с представлением о смерти и загробном существовании. Хентиментиу, имевший обличье шакала, тождественен своими функциями бога, связанного с загробным миром, с Упуаутом («открывателем путей») и Анубисом, причастным к погребальному обряду. И все трое имели воплощения шакала или собаки. Поэтому логично, что неподалеку от посвященного Хентиментиу храма расположен

додинастический некрополь U в Умм эль-Каабе додинастического времени, а непосредственно к югу от него — царей I и II династий.

Изображения додинастического святилища Верхнего Египта были найдены на глиняных цилиндрических печатях и небольших ярлычках из слоновой кости в богатом погребении U-j элитного некрополя в Умм эль-Каабе, Абидос. Это животное идентифицируется как слон [25, p. 214–216, figs. 9-12], хотя с ним не связано ни одно божество. На печатях из Абидоса изображены святилища в форме условного воплощения шакала [16, pl. XVI, L]. В древнейшем абидосском храме А был найден фрагмент сосуда с процарапанным изображением шакала, которого Ф. Питри, проводивший раскопки храма, идентифицировал как бога Хентиментиу-Упуаута [16, p. 29]. Это граффити на предмете ритуальной утвари маркирует культовую принадлежность раннего храма в Абидосе.

Как и в культовом центре Иераконполя, в храме Древнего царства был найден депозит, состоящий из votивных предметов прото/раннединастического времени [26, p. 89]. В числе предметов мелкой пластики, подобной иераконпольским изделиям, в тайнике были изображения древнего святилища в виде условного воплощения шакала, подобные тем, что обнаружены в раннем святилище А.

Ритуальные предметы и иконография

Когда политической центр при нулевых и I и II династии переместился в Абидос, Иераконполь оставался важнейшим религиозным центром Египта. Ведь здесь находился культово-церемониальный центр, посвященный богу Хору в обличии сокола, земным воплощением которого считался региональный царь уже с герзейской фазы культуры Нагада ПС. Имя Хора стояло на первом месте в царской титулатуре, состоящей из Пяти Великих имен. Оно выписывалось в рамке, над иероглифическим знаком *srH* (Рисунок 12), увенчанной изображением сокола. На церемониальной палетке из музея Метрополитен сокол сидит непосредственно на знаке *srH*. Возможно, это и есть первое изображение имени Хора, — легендарного обожествленного предка Хора-сокола. В ходе широкомасштабных археологических раскопок в Дельте и долине Нила были найдены анонимные знаки *srH*, иногда отсутствовало изображение сокола и имя царя. Многие знаки *srH* имели по два изображения сокола. Эти воплощения датированы от Нагады ПБ/В1 до времени царей Ири Хора, Ка и Нармера, т. е. царей нулевой династией (Нагада III В2) [27, p. 115–116].

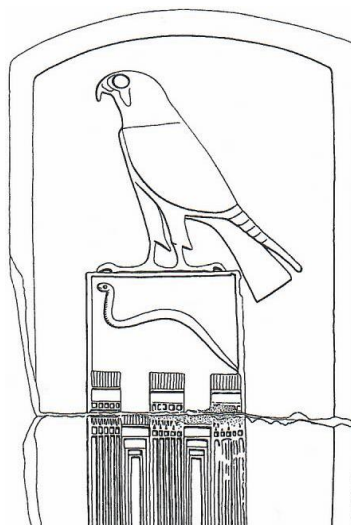

Рисунок 12. Имя Хора Джета

Фасад сооружения (palace-façade) представлял собой нишевидную стену, и такие изображения известны по многочисленным раннединастическим изобразительным и археологическим памятникам. Этот архитектурный стиль был связан с царским дворцом и являлся символом царской власти [26, р. 55]. Но каковы истоки этой архитектуры? Они восходят к традиции легких построек, сооруженных из переплетенных веток, дерева и тростниковых циновок, какие возводили в раннединастическое время, круглыми, а в период Нагада II прямоугольными. С развитием процесса социальной иерархии и возвышения аристократических родов, от которых происходили вожди и цари первых династий, произошли существенные трансформации. Связанные с царской властью архитектурные сооружения возводили из необожженного кирпича и камня, которые орнаментировали, имитируя рисунки на плетеных циновках. Нишевидные стены (подобные конструкциям с контрфорсами для большей их устойчивости) возводили на царских объектах, — дворцах, наземных (мастабах) гробницах, а также применяли при возведении обводных стен святилищ и храмов. Достаточно обратиться к материалам раскопок царских некрополей в Абидосе (Умм эль-Кааб), чтобы увидеть устойчивость этой традиции. Дворцы и храмы оформляли таким образом, что глубина ниш была незначительной, в то время как стены погребений и окружающие святилища были значительно толще. Наиболее ранняя нишевидная стена происходит из некрополя в Умм эль-Каабе близ Абидоса, датированная Нагадой IIIA, ок. 3200 г. до н. э. [28, р. 99]. Нишевидной стеной обнесен хрестоматийно известный погребальный комплекс царя III династии Джосера со ступенчатой пирамидой в Саккаре, близ новой столицы Мемфиса. Эта традиция возникла от гигантских гробниц времени первых двух династиях. В символическом аспекте обводные стены дворцов и храмов наделялись защитной функцией, поскольку они обособляли священную личность владыки. Такой формы стенами обнесены т.н. культовые оградки в Северном некрополе в Абидосе.

Возле анонимной культовой оградки были найдены 14 погребений с большими лодками. Безусловно, эти объекты в контексте погребального обряда связаны с ритуалом, причастным к мифологическим представлениям о способе перемещения умершего царя в загробный мир. Из Текстов пирамид Древнего царства следует, что почивший царь переправлялся в иной мир на лодке или на крыле птицы — бога Тота. (Pyr. Utt. 270, §383–385; Pyr. Utt. 270, § 387) [29, р. 78]. На плато Гиза, где высятся три великие пирамиды царей IV династии, перед усыпальницей Хеопса был захоронен большой нильский корабль с высоким носом. Согласно традиции, тело царя переправляли на западный берег, где находился погребальный комплекс, включающий нижний и верхний храм, стоящий перед пирамидой. В Каирском музее хранится множество сравнительно небольших деревянных моделей погребальных нильских кораблей, относящихся к Древнему и Среднему царству. Прообразом некрополя на плато Гиза послужили гробничные и культовые оградки из Абидоса. Почти за 700 лет погребальный ритуал и сами гробницы претерпели изменения. Однако способ отправлять в лодках умерших царей на западный берег Нила, где садится солнце, пришел из додинастического времени. На панно из гробницы 100 регионального царя Иераконполя, датированной Нагадой IIC, изображен черный корабль, на котором перевозят тело владыки. В композиции с плывущими судами представлены основные сцены и мотивы, присущие фазе Нагада II, ставшие прототипами, но видоизмененными, для изображений протодинастического времени. Это сцены охоты хищных животных на травоядных,

сражений, смешанные сцены, борьбы пары людей. Все эти сцены расположены на воде, между лодками (Рисунок 1).

Для додинастического и раннединастического периода важными являются изобразительные тексты на ритуальных предметах, таких как церемониальные палетки. Представленные на них сцены связаны с мотивом охоты, сражений, преследования и терзания хищниками травоядных животных, иначе говоря, — сюжеты противоборства, противостояния. Это разделение на три типа «размывается» присутствием хищных птиц и животных-помощников, выступающих на стороне победителей в сцене сражений на палетке сражения [30, pl. D, E], в сцене преследования копытных хищниками, в том числе, фантастическими животными, обнаруживается фигура охотника в маске шакала или собаки с длинной трубой у рта (Малая иераконпольская палетка) [30, pl. F.; 15, 16]. Таким образом, даже эти примеры позволяют говорить о том, что данные мотивы передают не бытовые сцены, а в символической форме содержат ритуальные сцены и мифологические представления, отраженные в композициях, построенных на принципе оппозиции противоположностей с включением медиаторов: животных-помощников и охотника. Говоря о семантическом тождестве мотива охоты и сражения, воспользуемся цитатой К. Леви-Строса: «... охота приносит пищу, хотя похожа на войну, которая приносит смерть» [31, с. 198], позволяющей интерпретировать сцены на церемониальных палетках как выражение оппозиции жизнь-смерть в целостной модели мира. На других церемониальных палетках представлены сцены (в регистровой системе), передающие события, связанные с завоеванием территорий противников, расправы с ними, приношением дани с завоеванных территорий, с отождествлением их с помощью архаического иероглифического письма. К их числу относится упоминавшаяся палетка царя Нармера [30, pl. J, K], а также Каирская, на которой, кроме рисунков, изображены иероглифы, обозначающие Ливию (Чехену), откуда поступила дань [30, pl. G, 19–20]. Несмотря на то, что лишь отдельные церемониальные палетки обнаружены в археологических контекстах (остальные приобретены на рынках у торговцев древностями), их датируют протодинастическим временем, или династией 0 [27, p. 122–123].

Сцены победоносных сражений царя стали важными в изобразительном искусстве при I династии. Они наносились на таблички из слоновой кости. Наскальные рисунки с лодками и святилищами на них, относящиеся к раннединастическому времени, обнаружены на значительной территории, от Ком-Омбо до Асуана. К числу наиболее поздних наскальных изображений относятся изученные в Наг эль-Хамдулаб близ Асуана, которые датируются временем правления царей Скорпиона и Нармера (3200–3100 гг. до н. э.). Лодки с парой святилищ на них, которые являются основными изображениями в сценах победы лидера над противником, символизируют силу и могущество царя [32, 33].

В современной египтологии все чаще высказывается точка зрения о метафорическом значении лодок. Они символизируют социум, объединенный лидером, а говоря шире, — в мифо-религиозном смысле, — означают победу космического порядка над хаосом [34, p. 174–180]

Важнейшей новацией протодинастического и раннединастического искусства, связанного с образом царя, является его появления на ритуальных предметах (Рисунок 13).

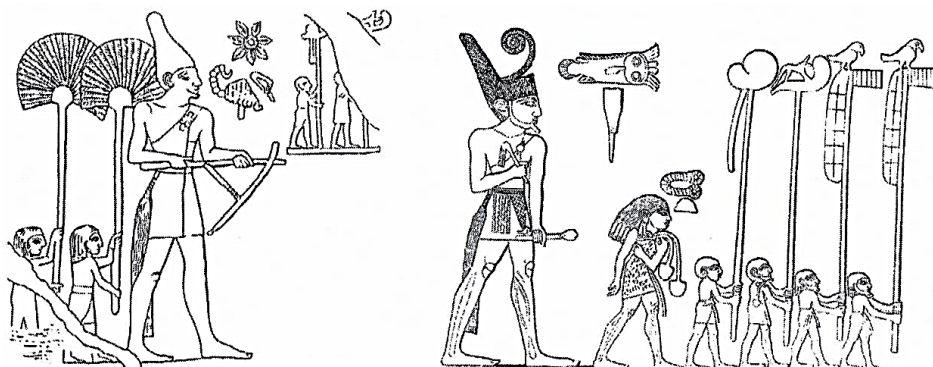

Рисунок 13. Фрагменты церемониальной булавы царя Скорпиона и церемониальной палетки царя Нармера

В предшествующие периоды он выступал в метафорических образах или вовсе отсутствовал. Но образы быка и льва так и остались в символике царя, отражая перенос качеств этих животных, их силу и мощь, на владыку Египта. Достаточно обратиться к церемониальным палеткам, на которых эти животные выступают на стороне лидера. На Палетке газелей лев уничтожает врагов протодинастического царя [30, рl. E], а на Палетке быка это животное расправляется с лидером противников [30, рl. G, 17–18]. Мотив «повелителя животных», где человеческая фигура фланкирована парой стоящих на задних лапах, представлена на панно из гробницы 100, датированной Нагадой ПС (Рисунок 1). Эти прообразы возникают на ранних фазах культуры Нагада, но вовсе не исчезают в раннединастический период. Достаточно вспомнить личное имя царя Нармера, означающее рыбу сом. Да и тот факт, что божества, ставшие общеегипетскими, но возникшие в ранние периоды культуры Нагада, — иераконпольский Хор-сокол, Хентиментиу-Упуаут и многие, многие другие имеют обличие животных, что свидетельствует о неразрывной связи природного и социального в древнеегипетской культуре на протяжении всей ее истории.

К числу важнейших новаторских явлений в материальной культуре, начиная с протодинастического времени, являются печати и их оттиски на сосудах. В аспекте развития социально иерархизированного общества с централизованным правлением этот факт указывает на экономическую основу общества, в которой царь и высшая элита являлась основным распределителями элитных материалов и продукции, произведенных как в Египте, так и за его пределами по давно налаженным торговым путям с Ближним Востоком, откуда поступали большие сосуды для вина, найденные во множестве в элитных и царских гробницах Иераконполя и Абидоса, драгоценные и полудрагоценные камни, слоновую кость и пр.

Но самое важное явление в культуре Нагада на поздней ее фазе — протодинастической, когда существовала нулевая династия, было возникновение архаического иероглифического письма. На материальных объектах, — церемониальных палетках, ярлыках, цилиндрических печатях и т. д. появляются имена и названия той или иной местности [35]. Существует и другая точка зрения о том, что иероглифическая письменность возникла незадолго до позднединастического периода. В пользу такой точки зрения автор приходит на основе наличия ярлычков из гробницы царя, похороненного в гробнице U-j. [36]. Так или иначе, возникновение письменности является важнейшим фактором государствообразования.

Выводы

Традиции и новации, будучи противоположностями, тем не менее, работают в целостном поле, некоем культурно-историческом единстве. И в плане социокультурного развития элитные некрополи додинастического и раннединастического периодов предоставляют исключительно важную и объективную информацию о становлении первого государства в Египте. Как справедливо отмечал М. Ю. Лотман, «культура в соответствии с присущим ей типом памяти отбирает во всей этой массе сообщений то, что с ее точки зрения, является «текстами», то есть подлежит включению в коллективную память» [1, с. 74]. Иераконполь и Абидос выделяются на фоне других локальных территорий своей особой ролью в процессе становления единого государства во главе с монархом. Благодаря выгодному географическому положению Иераконполь вел торговые отношения как по Нилу, так и с территориями к западу от него и с Ближним Востоком. Из этих территорий поступали продукты, предназначенные как для аристократии вождеств на ранних ступенях развития культуры Нагада, так и позднее, на переходной амратско-герзейской фазе (некрополь НК6) и Нагада II С (гробница 100), когда во главе Иераконполя стояли региональные цари, но с протодинастического периода (Нагада III) самым сильным стал ном в Абидосе, где возникли элитные некрополи царей нулевых династий (династия 00 и 0) в Умм эль-Каабе и I династии в некрополе В.

Процесс становления Раннего государства занял длительный период, когда происходили изменения в духовной и материальной сферах культуры. Погребальные комплексы протодинастического и раннединастического периода отличались от более ранних элитных комплексов. Изменялся и погребальный обряд. Вместе с тем иконография, мотивы и образы сохранились от ранних фаз культуры, однако были выполнены в новой стилистике. Теперь изобразительные тексты воплощали сцены победы царя над врагами, что сохранилось в египетской культуре на протяжении эпохи ее существования.

В настоящее время устоявшаяся является точка зрения о том, что политическая унификация Египта произошла в протодинастическое время, датированная Нагадой IIIA1 по богатой гробнице U-j (IIIA1) в некрополе Умм эль-Кааб [14, р. 265]. Однако эта точка зрения была высказана задолго до этого в советской литературе выдающимся египтологом Ю. Я. Перепелкиным в главе «Древний Египет» [37, с. 308]. Следует отметить, что иероглифический знак *srH* появляется не раньше правления царя Нармера, который является ключевой фигурой и которого можно относить как к 0 династии (что преобладает в современной египтологии), так и к самому началу I династии. Царское имя Хора впервые появляется на предметах этого царя. Иконография этого знака с изображением нишеобразной стены царского дворца аналогична по форме обводным стенам культовых объектов царей I–II династий в Северном некрополе Абидоса и гробниц в Саккаре. Однако имя Хора-сокола происходит из Иераконполя, зафиксированное, в частности, на церемониальной палетке Нармера, найденной в главном депозите культово-церемониального центра, посвященный богу Хору. Очень примечательно, что этот царский символ в имени правящего царя Иераконполя представлен в погребальной архитектуре Абидоса, где почитался бог Хентиментиу, ассоциированный с богом Анубисом, причастным к погребальному обряду. Интересно, что родившиеся в период Среднего царства представления о том, что гробница царя Джера в Умм эль Каабе, была гробницей бога Осириса, — царя загробного мира, в то время как его сын бог Хор считался земным воплощением царя живого. По существу, это одно божество, однако в египетском пантеоне на этой идее целостности, отца и сына,

схождения начала и конца в замкнутой на себе конструкции отражались представления о снятии оппозиции в мифологических представлениях о вечности.

Список литературы:

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб, 2004. 703 с.
2. Adams V. Predynastic Egypt. Oxford, 1988. 76 p.
3. Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М, 2004. 369 с.
4. Friedman R. Hierakonpolis. Before the Pyramids. Origins of Egyptian civilization. Chicago, 2011. P. 33-44.
5. Friedman R. F. Masking in early Egypt: a view from Hierakonpolis // The physicality of the other. 2018. P. 49-66.
6. Шеркова Т. А. Маски в додинастическом Египте // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2020. №3. С. 49-63.
7. Green F. W., Quibell J. E. Hierakonpolis II. 1902.
8. Шеркова Т. А. Хаос и космос: анализ панно из гробницы 100 в Иераконполе в контексте археологических и иконографических исследований // Египет и сопредельные страны. 2019. №3. С. 82-105.
9. Hassan F. A., Hoffman M. A. Egypt before the Pharaohs: The Prehistoric Foundations of Egyptian Civilization // Journal of the American Oriental Society. 1981. V. 101. №4. <https://doi.org/10.2307/601268>
10. Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis Locality НК29А // Aspects of Early Egypt. 1996.
11. Hikade T. Origins of monumental architecture: Recent excavations at Hierakonpolis НК29В and НК25. na, 2011.
12. Dreyer G. Tomb Uj: A royal burial of Dynasty 0 at Abydos // Before the Pyramids: The Origins of Egyptian Civilization. 2011. P. 127-136.
13. Hartung U. Cemetery at Umm el-Kaab and the Funeral Landscape of the Abudos Religion in the 4-th Millenium BC // Desert and the Nile Basin and Sahara. Papers in honor of Fred Wendorf. Poznan, 2018. P. 313-335.
14. Hendrickx S. The Emergence of the Egyptian State // Cambridge World Prehistory. V. 1. Cambridge, 2014. P. 259-278.
15. Spencer A. J. Early Egypt. The Rise of Civilization in the Nile L., 1993. 128 p.
16. Petrie F. W. M. Abydos. Part II. (The Egypt exploration fund, 1903. V. 37), L., 1903. 56 p.
17. Bestock L. The First Kings of Egypt: the Abydos evidence // Egypt before the Pyramids. Origins of Egyptian civilization. Chicago, 2011. P. 137-144.
18. Bestock L. D. The Early Dynastic Funerary Enclosure of Abydos // Archeo-Nil. 2008. №18. P. 43-60.
19. Матье М. Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996. С. 71-90.
20. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 143 с.
21. Топоров В. Н. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014.
22. Adams M. D. The Abydos Settlement site project: Investigation of a major provincial town in the Old Kingdom and First Intermediate Period // Proceedings of the seventh international congress of Egyptologists. Cambridge, 3-9 September 1995. Leuven, 1998. P. 19-30.

23. Антес Р. Мифология в древнем Египте // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 55-121.
24. Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature. Berkley, Los Angeles, 1975.
25. Brandl B. The sealings and pr-wr labels from Tomb U-J // Egypt at its Origins 4 / Proceedings of the Fourth International Conference “Origins of the State, Predynastic and Early Dynastic Egypt”, New York-Paris-Bristol, CT: Peeters, 2016. P. 207-225.
26. Kemp B. J. Ancient Egypt. Anatomy of a civilizations. London-New York, 1991.
27. Rafaelle F. Dynasty 0 // Aegyptica Helvetica, 17, 2003. P. 99-141.
28. Hendrickx S. Arguments for an Upper-Egyptian origin of the palace-façade and the Serekh during the Late Predynastic-Early Dynastic times // Göttinger Miszellen. 2001. V. 184. P. 85-110.
29. Faulkner R. O. The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Oxford: Oxford University Press, 1969.
30. Petrie F. W. M. Ceremonial Slate Palettes with Reliefs // Corpus of Proto-dynastic Pottery. London, 1953. 23 p.
31. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. 535 с.
32. Hendrickx S. Iconography of the Predynastic and early Dynastic Period // Egypt before the pyramids. 2011. P. 75-81.
33. Hendrickx S., Darnell G. C., Gatto M. C. The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // Antiquity: Antiquity Publications LTD, 2012. V. 86. P. 1068-1075.
34. Vanhulle D. Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethnoarchaeological approach // Journal of ancient Egyptian interconnections. 2018. V. 17. P. 173-187.
35. Wengrow D. The Invention of writing in Egypt // Before the pyramids. Origins of Egyptian civilization. Chicago, 2011. P. 99-103.
36. Hendrickx S. The Emergence of the Egyptian State // Cambridge World Prehistory. V. 1. 2014. P. 259-278.
37. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988.

References:

1. Lotman, Ju M. (2004). Semiosphera. St. Petersburg. (in Russian).
2. Adams, B. (1988). Predynastic Egypt. Oxford.
3. Sherkova, T. A. (2004) Rozdenie Oka Hora: Egypet na puti k rannemu gosudarstvu. Moscow. (in Russian).
4. Friedman, R. (2011). Hierakonpolis. Before the Pyramids. *Origins of Egyptian civilization. Chicago, 33-44.*
5. Friedman, R. F. (2018). Masking in early Egypt: a view from Hierakonpolis. *The physicality of the other, 49-66.*
6. Sherkova, T. A. (2020). Maski v dodinasticheskom Egipte. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki, (3), 49-63.* (in Russian)
7. Green, F. W., & Quibell, J. E. (1902). Hierakonpolis II.
8. Sherkova, T. A. (2019). Khaos i kosmos: analiz panno iz grobnitsy 100 v Ierakonpole v kontekste arkheologicheskikh i ikonograficheskikh issledovanii. *Egipet i sopredel'nye strany, (3), 82-105.* (in Russian).

9. Hassan, F. A., & Hoffman, M. A. (1981). Egypt before the Pharaohs: The Prehistoric Foundations of Egyptian Civilization. *Journal of the American Oriental Society*, 101(4). <https://doi.org/10.2307/601268>
10. Friedman, R. (1996). The Ceremonial Centre at Hierakonpolis Locality HK29A. *Aspects of Early Egypt*.
11. Hikade, T. (2011). Origins of monumental architecture: Recent excavations at Hierakonpolis HK29B and HK25. na.
12. Dreyer, G. (2011). Tomb Uj: A royal burial of Dynasty 0 at Abydos. *Before the Pyramids: The Origins of Egyptian Civilization*, 127-136.
13. Hartung, U. (2018). Cemetery at Umm el-Kaab and the Funeral Landscape of the Abudos Religion in the 4-th Millenium BC. *Desert and the Nile Basin and Sahara. Papers in honor of Fred Wendorf. Poznan*, 313-335.
14. Hendrickx, S. (2014). The Emergence of the Egyptian State. *Cambridge World Prehistory. 1. Cambridge*, 259-278.
15. Spencer, A. J. (1993). Early Egypt. The Rise of Civilization in the Nile. London.
16. Petrie, F. W. M. (1903). Abydos. II. *The Egypt exploration fund*, 37. London.
17. Bestock, L. (2011). The First Kings of Egypt: the Abydos evidence. *Egypt before the Pyramids. Origins of Egyptian civilization. Chicago*, 137-144.
18. Bestock, L. D. (2008). The Early Dynastic Funerary Enclosure of Abydos. *Archeo-Nil*, 43-60.
19. Matie, M. E. (1996). Heb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii). *Izbrannie thudi po mifologii i ideologii Drevnego Egipta, Moscow*, 71-90. (in Russian).
20. Eliade, M. (1994). Svyashchennoe i mirskoe. Moscow. 143. (in Russian).
21. Toporov, V. N. (2014). Stat'i. dla mifologicheskikh entsiklopedii, 2. Moscow, 530. (in Russian).
22. Adams, M. D. (1998). The Abydos Settlement site project: Investigation of a major provincial town in the Old Kingdom and First Intermediate Period. *Proceedings of the seventh international congress of Egyptologists. Cambridge, 3-9 September 1995. Leuven*. 19-30.
23. Antes, R. (1977). Mifologia v Drevnem Egypte. *Mifologia drevnego mira, Moscow*, 55-121. (in Russian).
24. Lichtheim, M. (1975). Ancient Egyptian Literature. Berkley, Los Angeles, London.
25. Brandl, B. (2016). The sealings and pr-wr labels from Tomb U-J. *Egypt at its Origins. 4 Proceedings of the Fourth International Conference "Origins of the State, Predynastic and Early Dynastic Egypt", New York, Paris, Bristol, CT: Peeters*, 207-225.
26. Kemp, B. J. (1991). Ancient Egypt. Anatomy of a civilizations. London-New York.
27. Rafaele, F. (2003). Dynasty 0. *Aegyptica Helvetica*, 17, 99-141.
28. Hendrickx, S. (2001). Arguments for an Upper-Egyptian origin of the palace-façade and the Serekh during the Late Predynastic-Early Dynastic times. *Göttinger Miszellen*, 184, 85-110.
29. Faulkner, R. O. (1969). The Ancient Egyptian Pyramid Texts. Oxford.
30. Petrie, F. W. M. (1953) Ceremonial Slate Palettes with Reliefs (Corpus of Proto-dynastic Pottery). London. 23.
31. Levi Stros K. (1983). Strukturnaya antropologiya. Moscow, 535. (in Russian).
32. Hendrickx S. (2011). Iconography of the Predynastic and early Dynastic Period. *Egypt before the pyramids. Origins of Egyptian civilization, Chicago*, 75-81.
33. Hendrickx, S., Darnell, G. C., & Gatto, M. C. (2012). The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) Antiquity, 86, 1068-1075.

34. Vanhulle, D. (2018). Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethnoarchaeological approach. *Journal of ancient Egyptian interconnections*, 17, 173-187.

35. Wengrow, D. (2011). The Invention of writing in Egypt. Before the pyramids. *Origins of Egyptian civilization*, Chicago, 99-103.

36. Hendrickx, S. (2014). The Emergence of the Egyptian State. *Cambridge World Prehistory*, 1, 259-278.

37. Istorija Drevnego Vostoka. *Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladelcheskoi tsivilizatsii*, 2. Moscow. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 12.07.2021 г.

Принята к публикации
17.07.2021 г.

Ссылка для цитирования:

Шеркова Т. А. Традиции и новации в погребальном обряде для социальной элиты в додинастическом и раннединастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. №8. С. 359-384. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/42>

Cite as (APA):

Sherkova, T. (2021). Traditions and Innovations in Funeral Rites for the Social Elite in Predynastic and Early Dynastic Egypt. *Bulletin of Science and Practice*, 7(8), 359-384. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/42>